

ПАМЯТИ

Юлии Викторовны Бабичевой

4.05.1930 – 22.02.2021

Юлия Викторовна Бабичева для многих поколений студентов и аспирантов филологического факультета, для ее коллег и друзей – воплощение свободы мысли, стремительности и смелости научного познания и творчества. Ее слово на лекции, вопрос на практическом, ее замечание по тексту статьи или диссертации всегда казались прорывом в область неизведанного, нового, невероятного. Она умела находить связи эпох, а свое время Юлия Викторовна неизменно опережала: многие запрещенные авторы были открыты ею задолго до перестройки, многие ставшие впоследствии привычными литературоведческие определения были прописаны как рабочие в ее исследованиях. И столько личностного отношения и артистизма, столько пронзительности и мудрости было в ее суждениях о Н.А. Некрасове, А.К. Толстом, А.Н. Островском, А.И. Куприне, Л.Н. Андрееве, А.А. Ахматовой, Н.С. Гумилеве, М.С. Булгакове, что забыть это невозможно.

Любой, даже телефонный, разговор с ней был источником нашего вдохновения. Она очень ценила дружбу, умела поддержать и защитить молодых коллег и одновременно готова была спорить с нами, ставить под сомнение все, что, на ее взгляд, мешало развитию науки, филологической объективности. При этом ее блестящий юмор не оскорблял и не унижал, а критика не перечеркивала опытов самостоятельности.

Нам очень хотелось быть похожими на нее, быть такими же смелыми и решительными, такими же знающими и умеющими вдохновенно сказать о своих знаниях, передать их другим. Нам, ее бывшим студентам, аспирантам, коллегам, и сейчас этого хочется. И есть надежда на то, что через нас хотя бы иногда будет звучать ее мысль о русской литературе, ее Слово.

Завершился земной путь великого филолога, ученого, педагога. Но Вы навсегда с нами, дорогая, любимая Юлия Викторовна.

Н.Н. Авдюшкина

Сегодня ушла из жизни мой любимый педагог, профессор, доктор филологических наук Юлия Викторовна Бабичева. Два дня пролежала в моногоспитале в реанимации. Спасти ее не удалось даже московским медикам.

Заслуженный деятель науки, неутомимый борец за мир. 20 лет она возглавляла отделение Советского фонда мира. Юлия Викторовна работала в Вологодском госуниверситете с 1970 до 2013 года. В наш город приехала после докторантуры. В 46 лет стала проректором. С тех пор навсегда лишилась желаний кем-либо руководить. Тем не менее, под ее руководством защитили кандидатские диссертации более 20 аспирантов. Главная тема научных интересов Юлии Викторовны – литература и поэзия Серебряного века.

Лекции этой изумительной женщины были похожи на театр одного актера. Настоящие моноспектакли, из которых каждый студент брал столько, сколько мог унести. А еще нельзя было не попасть под обаяние

Бабичевой. Помню, мы как-то стояли у окна с девчонками. Одна из них говорит: «Я знаю, на кого ты будешь похожа, когда повзрослеешь». «На кого?» – спрашиваю. – «На Юлию Викторовну». Ее слова были самым ярким и желанным комплиментом за всю мою жизнь.

«В моей картотеке, – рассказывала мне Юлия Викторовна в одном из интервью, – 160 трудов: научных статей и монографий. Кроме них есть еще и публицистические работы, литературно и театрально-критические. Встречаются рассуждения и на нравственно-этические темы. Всего 99 публикаций...»

На филологическом факультете о ней всегда ходили легенды. Да это и понятно. Была лично знакома с Анной Ахматовой и с супругой Михаила Зощенко. И та была готова передать Юлии Викторовне весь архив писателя. Ей и только ей...

В последние годы Юлия Викторовна жила у дочери в Москве. В 2020-м отметила 90-летний юбилей. До 91 года не дожила всего несколько месяцев.

С.А. Громыко

Ушла из жизни Юлия Викторовна Бабичева. Выдающийся ученый. Настоящий Учитель. Замечательный человек. Любовь к Серебряному веку – от нее. Помню, как меня потрясли ее лекции: на доске одна цитата из «Памяти» Н.С. Гумилева и полтора часа о его жизни, творческом методе, мотивах. Каждые пятнадцать минут – возвращение к этой цитате. И каждый раз слова, написанные на доске, приобретали совершенно новый смысл. Несколько раз пытался сделать такую лекцию – не получается.

Юлия Викторовна очень изысканно шутила. Помню одну из наших последних встреч несколько лет назад возле университета. Она сделала операцию на глазах и пришла в темных очках, а я решил подбодрить ее.

- Юлия Викторовна, как Ваше самочувствие?
- Спасибо, хорошо...
- Вам так идут эти очки!
- Ты еще скажи, что мне идет делать операции...

Мы тогда еще оба посмеялись, и только спустя какое-то время я понял, что ирония Юлии Викторовны всегда была с каким-то грустным флером. Ее юбилейный сборник называется «Понятна мне времен превратность». Все понимала. Как Пушкин.

В конце 1980-х у нас был любимый спецкурс: Юлия Викторовна открывала для нас свой Серебряный век. Лена Репина/Титова и Женя Островский (принципиальные и темпераментные выпускники 2-й школы, филологи, что называется, до мозга костей) занимались Цветаевой и Ахматовой, дискутировали друг с другом. В судьбе кандидата филологических наук Е.Б. Островского статья об обрядовой символике в контексте ритуала (на материале плачей вологодской свадьбы) оказалась последней [2]. Е.В. Титова стала исследователем творчества Марины Цветаевой, энтузиастом сохранения сокольского дома, где в 1947–1949 годах жила Анастасия Ивановна Цветаева. Статью «Вологда в судьбе А.И. Цветаевой: факты и версии» вы можете прочесть в этом номере.

Красавицу балерину Люду Валькову увез в Америку молодой шаламовед Уиллис Харт, ставший ее мужем, а тогда мы с ней решили заниматься Булгаковым, горячо любимым Юлией Викторовной. Люда – драматургией, я – киносценариями. Когда диплом был защищен, Юлия Викторовна показала мне свою машинописную работу по этой теме, и ее я опубликовала в «Вестнике» [1]. В свое время Юлия Викторовна вычеркивала многое из ею написанного, но при издании в 2016 году хотелось практически все восстановить: так лучше слышится ее голос, интонация.

Лариса Воздвиженская/Бараева не только написала диплом, но и через несколько лет запланировала диссертацию по творчеству Бориса Зайцева. По разным причинам исследование не было завершено. Зато именно Лариса, работая позже в Государственном архиве Вологодской области, принимала рукописи и публикации от уезжавшей в Москву Юлии Викторовны, радовалась и гордилась, что составляла их опись.

Елена Ляпина/Лобанова увлеклась Маяковским – концепцией человека в его ранней лирике.

Юлия Викторовна много рассказывала о Гумилеве, Ахматовой, Булгакове, Леониде Андрееве, Платонове... Всех тех, кого она давно знала и любила.

Когда мне захотелось углубиться в Набокова, порекомендовала обратиться за «Лолитой» к В.В. Воропанову – и с ним совсем недавно прощались в Вологде. Светлая память. Книгу он не дал (наверное, я не вызвала доверия), и это, помнится, тогда удивило, потому что Юлия Викторовна была в этом отношении смелее и щедрее. С присущим ей вдохновением, артистизмом, изяществом, вкусом, тактом она влекла за собой в свет знания, любви, красоты. Когда мы уже многое прочитали и обсудили, объяснила, что сама просто не успевает проводить лекции для общества «Знание», книголюбов, и я, по ее желанию, отправилась в детский сад рассказывать воспитателям (в тихий час) о Серебряном веке. Никакого сравнения с Юлией Викторовной, но они были растроганы и счастливы, и было очень приятно – ей тоже, когда я поделилась этими отзывами.

Потом я познакомилась со многими семинарами: любила семинары Игоря Олеговича Шайтанова, Алексея Матвеевича Зверева в РГГУ. А тот, по Серебряному веку, все равно забываем.

Совсем недавно в ходе подготовки к межрегиональной молодежной конференции, посвященной Шаламову, попросила помощи у коллег, и мы в тот же день собрались обсудить английские переводы стихов, которые вызвали у меня сомнения. И я, как тогда, слушала Лену, шаламоведов, а вспоминалось начало: Юлия Викторовна.

Литература

1. Бабичева, Ю. В. Танталовы муки. М. Булгаков – кинодраматург / Ю. В. Бабичева // Вестник Вологодского государственного университета. Серия : гуманитарные, общественные, педагогические науки. – 2016. – № 3. – С. 31–42.
2. Островский, Е. Б. Мотив «нанесения ущерба невесте» и «защита от ущерба»: обрядовая символика в контексте ритуала (на материале плачей вологодской свадьбы) / Е. Б. Островский // Вестник Вологодского государственного университета. Серия : гуманитарные, общественные, педагогические науки. – 2018. – № 4. – С. 50–56.

Впервые я познакомился с Юлией Викторовной на ее занятиях по Серебряному веку. По-моему, это был 4 курс филфака.

Вначале мы были шокированы. Блестящая, прекрасная речь лектора, но – невозможно ничего записать! Вся фактическая информация словно растворялась в изящных оборотах, остроумных замечаниях, тонких пояснениях. Что же останется в тетради? Как же отвечать на экзамене? Позднее стало ясно, что преподаватель не требовал от нас дословного усвоения ею сказанного. Главным оказалось взаимодействие, диалог, а для экзамена – написание целой исследовательской статьи, которую, к слову сказать, я впоследствии опубликовал (с учетом замечаний мастера) и считаю одной из лучших своих работ.

Затем я поступил к Юлии Викторовне в аспирантуру. Становясь непосредственным учеником такого преподавателя, ты попадаешь в круг людей, для которых она делала все возможное. Встречи всегда проходили у нее дома: она садилась за стол вполоборота к ученику, который занимал соседний диванчик (именно в этой позе – «научного руководителя» – она запечатлена на одной из фотографий), и начиналось общение. Она разрешила мне параллельно получать второе высшее образование в Москве, даже видя в этом плюс: библиотеки будут рядом. Сразу же выдала целую стопку своих книг по Леониду Андрееву, которому была посвящена моя диссертация. Она написала письма в Орел и Лидс, и я смог съездить туда (в том числе благодаря Ольге Володиной и Ричарду Дэвису) для работы с архивными материалами.

Особенностью Юлии Викторовны было то, что она никогда ни на кого (во всяком случае внешне) не злилась. Ее основным оружием была ирония. Однажды, когда я задержался у друзей и несколько раз звонил ей, прося перенести нашу встречу, она сказала: «Ты как Айседора Дункан, которая в “Собачьем сердце” могла обедать в кабинете, а кроликов резать в ванной». Мне стало так стыдно, что с тех пор я никогда на наши встречи не опаздывал.

Всегда деликатная, Юлия Викторовна умела подтолкнуть ученика к работе. За полгода до окончания аспирантуры она просто, но очень конкретно сказала: «Я бы хотела уже увидеть твой текст», – и я сразу же закончил «собирать материалы» и через два месяца принес первую главу.

Велика была и помощь научного руководителя перед защитой. Я пришел к ней с замечаниями оппонентов и рецензентов, и она мастерски, даже несколько играючи, с азартом, мгновенно дала примерные ответы на самые сложные вопросы.

Было видно, как Юлия Викторовна радовалась за своих учеников, как она гордилась нами, какое удовольствие она получала от успешных защит, от наших дружных последующих свершений..

Примечательно, какие подарки предпочитала она: фотографии и фотоальбомы, которые можно было рассматривать. Позже Юлия Викторовна показала мне самодельные книги, которые они делали с мужем после их путешествий-походов по России: на страницах размещались снимки, а рядом соответствующие тексты – прямо как в современных блогах.

Я продолжал навещать ее, иногда с женой, а потом и с дочкой. Мы беседовали за чаем или просто усевшись в кресла. Юлия Викторовна обязательно рассказывала одну из своих многочисленных историй. Постараюсь некоторые из них, самые яркие, пересказать (конечно, не абсолютно точно).

Однажды в Ленинградском университете Юлии Викторовне, как комсомольскому работнику, было нужно срочно найти руководителя для литературного кружка представителей Крайнего Севера. Ей подсказали, что в коридоре стоит Анна Ахматова, которая не откажется от подработки. В ответ на предложение возглавить кружок поэтесса посетовала на то, что ей трудно добираться до университета. Тогда предприимчивая Юлия Викторовна пообещала прислать за мастером слова комсомольскую машину. Вроде бы договоренность была достигнута, но автомобиль «опальной поэтессе» не выделили. А Юлия Викторовна даже обрадовалась, что «избавила» биографию Ахматовой от руководства кружком «оленеводов».

Очень сложно протекала подготовка к защите диссертации: ведь она была посвящена «ненадежному» Леониду Андрееву. На кафедральной предзащите один из партийных консерваторов попросил полностью «сменить концепцию» работы. На помощь Юлии Викторовне пришел заведующий кафедрой: он назначил следующее заседание на час раньше, а опоздавшему «охранителю» отчитались, что концепцию «в корне поменяли».

Примечательно, что, несмотря на политические препятствия в советской науке, всегда находились люди, помогавшие Юлии Викторовне «продвигать» ее новаторские идеи. Мало кто сомневался, что диссертация об Андреева будет утверждена, тем более что на нее были назначены очень грозные оппоненты. В коридорах даже поговаривали: «Бабичева – баба неплохая, но нельзя же вводить в советскую науку фигуру Андреева!» Один из оппонентов, очень влиятельный партиец-литературовед, так начал свой отзыв: «Это никакой не существенный вклад в науку...» Зал замер в ожидании, потирая руки от предстоящего разгрома. Но выступление продолжилось: «О вкладе мы говорим, когда человек вносит свою лепту во что-то уже существующее. А здесь мы имеем дело с совершенно не заполненным пространством. Это никакой не вклад. Это настоящий научный подвиг!» Оказалось, что ученый был хорошим знакомым Юлии Викторовны и даже отчаялся быть научным руководителем, чтобы поддер-

*Фотоколлаж Ю.В. Бабичевой и ее аспирантов и докторантов с героями их диссертаций
сделан А.В. Федоровой к 80-летию Юлии Викторовны. Слева направо:*

Нижний ряд: С.Б. Яковченко, М.И. Цветаева, Е.В. Титова, Ю.В. Бабичева, И.С. Тургенев, С.Н. Патапенко;

*2-й ряд: И.Э. Чернаков, И.Ф. Анненский, О.К. Страшкова, В.Я. Брюсов,
А.Н. Островский, Ф.И. Тютчев, Л.М. Аринина, А.М. Ремизов, Ю.В. Розанов;*

*3-й ряд: И.А. Тихонов, Л.Н. Андреев, Р.Л. Красильников, Н.И. Рублева, Ф. Сологуб, Д.Л. Андреев, А.С. Игнатьева,
Н.С. Гумилев, Т.А. Мелешко, О.А. Маркевич, З.Н. Гиппиус;*

*4-й ряд: А. Белый, Я.А. Шулова, О.Ю. Неволина, А.А. Блок, Е.Н. Верещагина, А.А. Тарковский, А.А. Ахматова,
Л.И. Бронская, А.И. Куприн, Т.П. Усачева, В.В. Набоков, И.И. Пуля*

жать диссертантку на защите именно в качестве оппонента. После такого отзыва уже никто не решился нападать ни на Бабичеву, ни на ее работу.

Удивительными были рассказы о путешествиях за границу в составе делегации Советского фонда мира. Однажды, пройдя обязательную беседу в КГБ, Юлия Викторовна отправилась в круиз по Средиземному морю. Во французских газетах писали о прибывающих советских гражданах: «Посмотрите! Они тоже люди!» А во время одного из переходов из порта в порт за бортом по непонятным причинам оказался член делегации. Капитан приказал дать задний ход, и корабельная команда в течение двух часов искала пропавшего. Его нашли практически выбившимся из сил, сбросившим с себя одежду и сохранившим только самое дорогое – советский паспорт.

Вспоминая сейчас разговоры с Юлией Викторовной, понимаешь, что она была настоящим свидетелем

Е.А. Лобанова

В таком маленьком, хрупком теле такой сильный голос. Живо помнится ЕЕ интонация, с которой велся разговор. И взгляд – тоже «сильный». Что ни говори, а наши преподаватели «сделали» нас, мы жадно впитывали их манеры, жесты, мимику, интонации... Мы хотели им соответствовать, сверяли по ним свой жизненный курс. Мысленно общались с ними, даже находясь далеко

Н.И. Рублева

Как ни велик и могуч наш русский язык, все равно не хватает слов выразить свою любовь к необыкновенному, замечательному человеку. Юлия Викторовна Бабичева. Восхитительная женщина, красивая, обаятельная, чуть ироничная... Талантливый ученый, создавший научную школу, объединивший несколько десятков последователей, влюбленных в Серебряный век... «Удочерившая и усыновившая» своих аспирантов, Юлия Викторовна воспитывала у нас культуру умственного труда, учила мыслить нестандартно, самостоятельно («не петь с чужого голоса»), не принимать на веру каждое слово очередного труда. Она пропагандировала культ интеллектуальности, создавая атмосферу ответственности за слово и дело.

и участником эпохи. Ребенком, она в Калуге из любопытства заглядывала в кабинет дяденьки-соседа – Константина Циолковского, отвлекая его от важных космических дел. Затем она жила в Иваново, где ее отец, педолог, работал в известном Ивановском интернациональном детском доме, созданном специально для детей зарубежных коммунистов. Потом была учеба в Ленинграде, смерть Сталина и неудачная попытка купить билет на поезд, чтобы принять участие в похоронах, закончившихся давкой. Распределение в Оренбург и, в конце концов, профессорская должность в Вологде, где ее путь пересекся с жизненными дорогами ее учеников.

Юлия Викторовна навсегда останется в моей памяти человеком с блестящим умом, тонкой иронией, жизнерадостным характером, мастером, который неизбежно оказывал влияние на всех, кто оказывался рядом.

в пространстве и времени... С каждым из них по крупинкам уходим и мы... И что странно? – Такие печальные события делают свое доброе дело: множество людей разных возрастов окунулись в воспоминания о самой дорогой, пожалуй, поре – студенчестве. Вот ведь какой духовный посыл! Дух – он все же вне времени, вне смерти!.. Юлии Викторовне – вечная память.

Но есть еще одна, скрытая ото всех, грань таланта Юлии Викторовны. Много лет назад она передала мне стопку листов, перевязанных веревочкой:

- Это стихи, если можно так назвать мое восприятие мира.

Сделав меня наследницей своего поэтического архива, Юлия Викторовна попросила:

- Прочитаешь когда-нибудь потом...

Я прочитала тогда же. Но, помня просьбу Юлии Викторовны, не открывала многие рукописные странички.

Пусть же теперь не осквернится Ее светлая память столь запоздалым восхищением ее таланта и публикацией этого стихотворения.

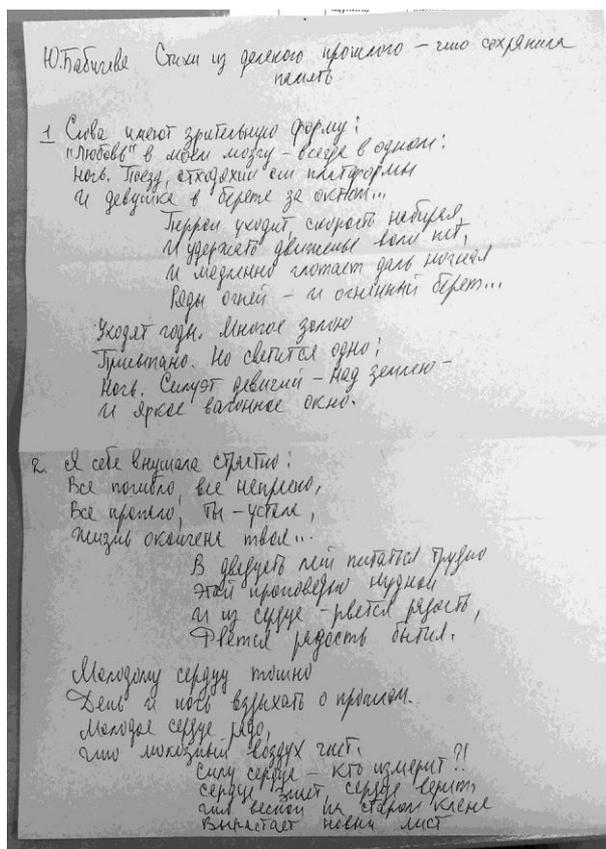
Я себе внушала страстно:
 Всё погибло, всё напрасно,
 Всё пропало, ты – устала,
 Жизнь окончена твоя...

В двадцать лет питаться трудно
 Этой проповедью нудной,
 И из сердца – рвется радость,
 Рвется радость бытия.

Молодому сердцу тошно
 День и ночь вздыхать о прошлом.
 Молодое сердце радо,
 Что морозный воздух чист...

Силу сердца – кто измерит?!
 Сердце знает, сердце верит,
 Что весной на старом клене
 Вырастает новый лист.

(примерно 1950 год)

Ю.В. Бабичева с Н.И. Рублевой

Ю.В. Бабичева с Н.И. Рублевой
 и внуком Владимиром

Е.В. Титова

Юлия Викторовна Бабичева – это главный человек в моей филологической судьбе. Если бы в 1986-м на вологодском филфаке мой интерес к Марине Цветаевой не поддержала именно она, я была бы совсем иным человеком. Настояла тогда только на одном: «Пиши о пьесах, о цикле “Романтика!”» Выслушав выступление на спецсеминаре, когда я изложила биографические споры А.И. Цветаевой, А.А. Саакянц, И.В. Кудровой, осудила: «Не стоит на этом сосредотачиваться. Есть творчество – это главное». Как научный руководитель по диссертации, уже согласилась с моим выбором – поэмы Марины Цветаевой, а похвалив первую главу («Наверное, старею: не нашла, к чему придраться»), подвергла тщательной критике другие разделы и заставила сокращать объем («Ты с ума сошла? Кто будет читать твои 209 страниц?»). Накануне защиты «инструктировала»: «Зададут вопрос – отвечай. Не знаешь, как ответить, все равно говори! Можешь, как Горбачев, нести околесицу, но не смей соглашаться и просто благодарить за вопросы и замечания или отмалчиваться».

Лекции ее и в студенчестве, и в аспирантские годы слушала, затаив дыхание. Мне кажется, в выступлениях Юлии Викторовны всегда была поэзия, ее доклады и сообщения всегда были похожи на поэмы, даже если речь шла о прозаиках. Права была и Людмила Михайловна Аринина, когда отговаривала нас с подругой от «геройства» на ниве образования в районной школе, где необходимо было в апреле завер-

шить программу по русскому языку и литературе: «Дети не пропадут, а вот вам никто не вернет лекции Бабичевой». Да, записанные под копирку однокурсницей, они не сохранили обаяния живой речи и воодушевленных деклараций независимости от любых идеологических схем и содержательных стандартов. И в то же время структурированию, «дисциплине ума» (одно из любимых оценочных выражений Юлии Викторовны), систематизации эти лекции и доклады учили основательно. Всегда четкий план, каркас, в который ты должен войти со своей интеллектуальной пытливостью, и та, штрихами уже намеченная, программа-максимум, которая непременно побуждает к дальнейшей работе мысли и души. И конечно, лично неповторим педагогический и методический артистизм особой природы: разыгрывались не сюжеты отдельных произведений, а в целом – сюжет судьбы поэта или писателя, драма его отношений с миром.

Юлия Викторовна Бабичева для меня, для Жени Островского и многих ее дипломников, аспирантов всегда была родной человек. Общаясь с ней, мы окрылялись ее вдохновением, ее знаниями, широтой и смелостью ее интересов. Она учила нас свободе мышления и дружбе. Через нее, через ее рассказы о юности мы иначе видели прошлое и заново понимали настоящее.

Помню, люблю Вас, мой Учитель, и для меня Вы живы так же, как те, кто рядом с Вами на этих фотографиях. Просто теперь мы видимся в снах.

Ю.В. Бабичева с Е.Б. Островским

Ю.В. Бабичева с М.А. Вавиловой

Ю.В. Бабичева с дочерью Майей

О.В. Фролова

Юлия Викторовна... При первом звуке имени губы складываются в иронично-насмешливую трубочку с присвистом, а затем растягиваются в улыбку, твердо звучащую. Ум, эрудиция, добрый юмор и высмеивающий непрофессионализм сарказм уже в самом имени?

Требовательность и мудрость прощения, самоирония и трепетное отношение к другим, великолепная память, умение емко и четко сформулировать главный идейный посыл, внимание к деталям и понимание связи каждой из них с литературным процессом в целом – все это Юлия Викторовна Бабичева.

В юности жизнь невероятно щедра на встречи с людьми, доброту и интеллигентность понимаешь сразу. А масштаб личности – позже...

Лекции о Серебряном веке начинались с объяснения «металлургической» метафоры – серебряный, а затем каждая – с главного запоминающегося тезиса, определяющего вклад поэта-творца. Системность во всем – привычка в основе характера. И при этом мягкость, женственность...

Горько сознавать, что Вас, Юлия Викторовна, уже нет, но светлая память о Вас, глубокая благодарность Вам будут жить в памяти Ваших учеников.

